

лось, мелкая любовная стычка, разгорѣвшаяся въ бурное столкновение, не могла бы приобрести никакой важности. Счастливый соперникъ давно ему знакомаго герцога де-Шона въ любви ничтожной оперной пѣвицы, онъ неосторожно взявъ ея сторону, когда ревнивецъ сталъ преслѣдовать ее, не скупясь на брань и побои. Но де-Шона было еще опаснѣе раздражать, чѣмъ Лаблаша; способный доходить до бѣшенства, невмѣняемый и въ то же время безнаказанный по своимъ связямъ, онъ пугалъ всѣхъ безумными выходками. Бомарше едва не сдѣлался его жертвой.

Не легко разобраться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ обѣихъ сторонъ и немногихъ свидѣтелей, — а Бомарше былъ мастерскимъ адвокатомъ своей чести и благородства. Но фактъ звѣрскаго самоуправства достаточно ясенъ. Де-Шонъ врывается къ вѣроломной красавицѣ, застаётъ ее еще въ постели, дѣлаетъ ей страшную сцену и выбѣгаетъ искать Бомарше, чтобъ его убить. Предупрежденный на улицѣ другомъ, поэтъ отказывается скрыться; служба зоветъ его въ судъ, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже возсѣдаетъ на президентскомъ креслѣ и допрашиваетъ тяжущихся. Тѣмъ временемъ герцогъ побывалъ уже на квартирѣ врага и, узнавъ, гдѣ онъ, влетѣлъ въ камеру суда, требуя, чтобъ Бомарше немедленно шелъ съ нимъ. Тотъ продолжаетъ засѣданіе цѣлыхъ два часа, не сдаваясь на угрозы; де-Шонъ принужденъ ждать, но постоянно прерываетъ засѣданіе. Какъ только оно кончилось, онъ садится Бомарше въ свою коляску и везетъ драться; оружія нѣтъ, — они заѣзжаютъ къ знакомому герцога за саблями; ихъ просятъ обождать, но имъ не терпится, и они ѣдутъ сводить счеты въ домъ Бомарше. Тутъ хозяинъ пытается успокоить врага, не безъ комизма предлагаетъ ему сначала пообѣдать съ нимъ, а потомъ взяться за оружіе. Но отъ промедленія бѣшенство Шона достигло крайняго предѣла; кровь прилила къ головѣ, и онъ, не владѣя собой, кидается на Бомарше, царапаетъ ему лицо, разрываетъ платье, толкаетъ и увѣчитъ его отца и слугъ, не унимается даже и тогда, когда шумъ привлекъ толпу передъ домомъ, а на мѣсто побоища явилась полиція, которая застала Шона яростно размахивающимъ шпагой и Бомарше — отбивающимся каминными щипцами.

Самоуправство было слишкомъ явно; головоуѣзъ, который все время съ гордостью повторялъ, что онъ герцогъ и пэръ, что никто его тронуть не посмѣетъ, былъ кругомъ виноватъ. Но старый порядокъ еще процвѣталъ, и въ тюрьмѣ оказался не только Шонъ, но и Бомарше, вѣроятно, чтобъ не подать дурного примѣра. Судъ маршаловъ, вѣдавшій тогда дѣла чести между дво-